

утеряно и не стало частью того, что определяло византийскую культуру в дальнейшем, но с учетом тех масштабов исторических процессов, которые связаны с правлением Македонской династии, мы можем говорить о влиянии Македонского ренессанса на последующие исторические и культурные процессы не только с точки зрения сохранения так называемого классического наследия (о чем уже сказано немало), но и с учетом трансляции духа новаторства и свободы, что, как нам кажется, определяет любой ренессанс не в меньшей степени, чем «возрождение» прошлого, и что отличает Македонский ренессанс от последующих византийских ренессансов.

М. Н. Бахматова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва)*

Запад и Восток в философии истории Никифора Григоры и Л. Н. Толстого

Связь между византийской и русской духовностью и их противостояние западной латинской традиции является одной из наиболее плодотворных тем исследования последних двух столетий. В связи с этим хотелось бы сопоставить некоторые аспекты мировоззрения двух великих мыслителей второго тысячелетия нашей эры: русского писателя Л. Н. Толстого (1828–1910) и византийского историка XIV в. Никифора Григоры (прим. 1290/4–1359/61). Григора и Толстой, соответственно, в труде «Римская история» и романе-эпопее «Война и мир» описали два кризисных периода в истории «второго» и «третьего» Рима, когда «силы двенадцати языков» ворвались из Европы сначала, в ходе Четвертого крестового похода 1204 г., в Византию, а затем, в ходе наполеоновских войн в 1812 г., в Россию.

Оба автора, горячие патриоты своей родины, чувствовали потребность переосмыслить исторические события, поставившие под угрозу их отечество, понять глубинные причины трагических событий недалекого для них прошлого. Ключевым вопросом становится вопрос взаимоотношений между Западом и Востоком как культурно-антропологическими реалиями, и именно в данном контексте они размышляют над судьбой общества и государства, ролью личности в истории, природой власти, закономерным и случайным в историческом процессе, а также соотношением божественного провидения и человеческой свободы, – во многом предвосхищая в своих размышлениях последующие дискурсы гуманитарного и научного характера.

Лев Толстой, исследуя проблему причинности исторических явлений, поднимает вопрос о том, какая сила производит движение народов. При этом он вписывает события войны 1812 г. в контекст всемирной истории и с неизбежностью обращается к эпохе Крестовых походов, задаваясь вопросом о

том, какими причинами было обусловлено «движение народов с запада на восток», почему миллионы «людей-христиан, исповедующих законы любви ближнего», «оставляют свои обычные занятия, стремятся с одной стороны Европы в другую, грабят, убивают один другого, торжествуют и отчаиваются, и весь ход жизни на несколько лет изменяется и представляет усиленное движение, которое сначала идет возрастая, потом ослабевая». Тем же самым вопросом задавался и Никифор Григора, пытаясь осмыслить события рокового для будущности христианской Европы XIII в., когда в результате Четвертого крестового похода происходит окончательное осознание различий между культурно-антропологическими и религиозно-идеологическими типами, сложившимися на католическом Западе и православном Востоке, вылившееся в оформление бинарной оппозиции «свой-чужой». Оба с интересом присматриваются к поведению больших групп людей – от войска до толпы простолюдинов на городской площади, – пытаясь раскрыть механизмы, влияющие на настроения того, что можно назвать коллективной личностью, опережая во времени рассуждения о «психологии толпы» Гюстава Лебона.

Авторы исследуют вопрос о соотношении коллективного и индивидуального, о роли личности в истории: конфронтация между Западом и Востоком у них олицетворяется противостоянием конкретных исторических персонажей. У Толстого это император-полководец Наполеон Бонапарт, противопоставленный императору Александру I, с одной стороны, и полководцу М. И. Кутузову, с другой. У Григоры это Михаил VIII Палеолог, объединяющий парадоксальным образом в своем лице черты, напоминающие как толстовского Александра I, так и Кутузова, и Карл Анжуйский, сделавший из завоевания Константинополя и восстановления под своей властью древней римской державы времен Цезаря и Августа цель всей своей жизни. Равновесие сил между Карлом Анжуйским и Михаилом VIII Палеологом Григора объясняет божьим промыслом, который, когда хочет, чтобы обе враждующие державы оставались независимыми, «даже крайности сводит к единому концу», создавая из них одно – безопасность.

Оба автора уделяют внимание и явлению закономерного и случайного, дискретности и континуитета в исторических событиях. Лев Толстой, вдохновленный идеями Г. В. Лейбница, вводит понятие «дифференциала истории», согласно которому движение человечества, «вытекая из бесчисленного количества людских произволов, совершается непрерывно», а иные великие события становятся результатом бесконечно малых факторов, которые вносят элемент однородности или, наоборот, хаоса, следуя своей невидимой нам логике, которая приводит к закономерному результату. Схожий взгляд на историческое развитие как на «спонтанное становление общественных систем, происходящее в итоге индивидуально мотивированного, но проявляющегося как хаотичное социального поведения» выявила у византийских

авторов К. В. Хвостова. Она отмечала, что в воззрениях византийцев существовало два типа представлений о случайном, т. е. речь шла, с одной стороны, об идеях, непосредственно восходящих к античным понятиям случая как итога совпадения причин, а с другой – о взглядах, включенных в богословские концепции сущности и явления. Такая двойственность, по мнению исследовательницы, отражает, как и многие другие проявления византийской цивилизации, ее гетерогенность. Нам думается, что толстовский «дифференциал» мог бы быть сопоставлен с двумя важными элементами исторического процесса, которые у византийских историков назывались «тихи» и «кайрос».

Другой большой проблемой, сближавшей Григору и Толстого, была проблема соотношения божественного провидения и свободы личности, непознаваемости путей господних и хаотичности человеческих поступков. Видение обоих созвучно идеям «синергии», являвшейся одним из основополагающих элементов византийской картины мира. Исходя из всего вышеизложенного, представляется очевидным факт концептуальной и мировоззренческой близости, которой – естественно, с поправкой на эпоху и культурно-исторический контекст – пронизаны страницы рассмотренных нами произведений. Близость эта обусловлена общей восточно-христианской традицией, тем «геном» родства, который является неотъемлемой составляющей процесса духовного развития наследницы «Второго Рима».

М. В. Бибиков

*Институт всеобщей истории РАН,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва)*

Неизвестный греческий вариант жития Феодосия Печерского

В непосредственной связи с трудом Иакова Неаскитиота (90-е гг. XVIII в. – 1869) «Афониада» находится кодекс, хранящийся на Афоне в рукописном собрании Русского монастыря св. Пантелеимона и обнаруженный в ходе работы осенью 2018 г. Это – Codex Athos Panteleemon. gr.283: в книге содержатся не известные доселе греческие переводы древнерусских литургических и агиографических памятников и другие материалы по русской, сербской, болгарской истории Афона. Кодекс (330x210) содержит 148 листов, и, как следует из колофона, переписан «рукой Иакова Святогорца пресвитера», т. е. известным Иаковом Неаскитиотом. Рукопись содержит греческие тексты «Последования св. Покрову», «Последования прп. Антонию Россу» (т. е. Антонию Печерскому), его «Жития», «Службы Феодосию игумену Печерскому, т. е. Пещеры» и др. На лл.35 об. – 40 об. помещено Житие Феодосия Печерского. Раздел открывает черно-красный орнамент с надписанием киноварью «Преподобного Феодосия». И далее текст леммы: «Житие вкрат-